

В.И. Кулаков*

СВЯЩЕННОЕ ДРЕВО ПРУССОВ

V.I. Kulakov

THE SACRED TREE OF THE PRUSSIANS

Аннотация. Впервые за время исторических исследований в Балтии автором создан свод изображений священных деревьев у пруссов и у их северо-восточных соседей — куршей. Сакрализация дуба и осознание его связи с Богом грома и молний, характерное для большинства индоевропейских народов на ранней стадии развития их культур, получило изобразительную фиксацию у пруссов в V в. н.э. В последующие эпохи различные формы изображения священного дерева свидетельствовали о том, что оно занимало важное место в прусском культе. Данный вывод подтверждается письменными известиями о центральном для многих балтских племен святилище Ромове, располагавшемся в прусской земле Надровии. В центре этого святилища произрастал вечнозеленый священный дуб, под кроной которого скрывались изображения и символы прусских богов. Даже после нескольких веков господства Тевтонского Ордена в Пруссии сохранялись рудименты культа дерева, являвшегося местом жертвоприношений для прусских крестьян еще в середине XVII в. Данные археологии эпохи викингов прямо свидетельствуют о плотных связях пруссов и куршей, прежде всего — в материальной культуре. Если у пруссов изображения сакрализованного дерева известны уже в эпоху Атиллы, то у куршей они появляются лишь в поствикинговое время. Благодаря этому можно предположить, что упомянутая изобразительная традиция (или вообще весь культ священного дерева) пришла в ареал куршей от их юго-западных соседей. В старой деревянной застройке Зеленоградска (Cranz), расположенном у основания Куршской косы, по сей день сохранились декоративные детали фронтонов, стилизованно представляющие священное дерево с тремя ветвями/ростками или же дерево с крестообразной кроной, охраняемое двумя драконами. С учетом того, что та часть Самбии, на которой расположен упомянутый город, в эпоху викингов и после нее приняла группы куршей, что засвидетельствовано

* *Кулаков Владимир Иванович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН, Москва

Kulakov Vladimir Ivanovich, Doctor in History, Leading Scholar, Department of the Migration Period and the Early Middle Ages, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

+7-909-798-30-62; drkulakov@mail.ru

археологическим материалом, можно с большой степенью осторожности предполагать реализацию в декоре домов местных жителей неких куршских изобразительных мотивов, восходящих к традиции священного древа.

Ключевые слова: земля пруссов, священное древо, курши, место жертвоприношений, культ, западные балты.

Abstract. For the first time in the historical research in the Baltic, the author has created a set of images with the sacred trees of the Prussians and their northeastern neighbours, the Curonians. The sacralization of the oak and the perception of its connection with the god of thunder and lightning, characteristic of most Indo-European peoples at an early stage of the formation of their cultures, were pictorially fixed among the Prussians in the 5th century C.E. In subsequent eras, various forms of the depiction of the sacred tree indicated that it occupied an important place in the Prussian cult. This conclusion is confirmed by the written reports about the sanctuary of Romow, principal for many Baltic tribes and located in the Prussian land of Nadruvia. In the center of this sanctuary grew an evergreen sacred oak tree, while its crown concealed the images and symbols of the Prussian gods. Even after centuries of the Teutonic Order's rule, Prussia retained the rudiments of the cult of the tree, which was the place of sacrifice for the Prussian peasants in the middle of the 17th century. Archaeological data from the Viking Age directly testify to the close ties of the Prussians and the Curonians, primarily in material culture. Whereas with the Prussians, images of the sacralized tree were already known in the Attila era, the Curonians saw them appear only in the post-Viking time. As a result, it can be assumed that the aforesaid pictorial tradition (or even the entire cult of the sacred tree) came to the area of the Curonians from their southwestern neighbours. To this very day, the old wooden buildings of Zelenogradsk (Cranz), a town located at the base of the Curonian Spit, have preserved decorative details of the pediments, showing stylized representations of a sacred tree with three branches/sprouts or a tree with a cross-shaped crown, guarded by two dragons. Considering the fact that the part of Sambia where the aforesaid city is now located, in the Viking era and thereafter received groups of the Curonians, which is evidenced in the archaeological material, it is possible to assume with a great degree of caution that the decor of the local residents' houses showcase some Curonian visual motifs dating back to tradition of the sacred tree.

Keywords: land of the Prussians, sacred tree, Curonians, sacrifice site, cult, the Western Balts.

* * *

Как показывают данные исторической этнографии, идея древа, воспринимавшегося как ось Мира, представлена в культах многих (если не большинства) народов мира¹. В Европе и на Ближнем Востоке

¹ Румянцева Т.Г. Древо // История философии. Энциклопедия. Минск, 2002. С. 301–304.

эта культовая идея восходит к эпохе бронзы. Дерево «является доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенского пространства»².

Примечательный факт: важная роль сакрализованного дерева (дуба) в культе пруссов отразилась в слове “druwis” — русск. «вера». Указанное прусское слово имеет корень, сходный с др.-инд. “daru” — русск. «дерево» и прочими архаическими индо-европейскими языками³. Существует мнение о непосредственном заимствовании прусского “druwis” из древнегерманского языкового наследия⁴. Балтские народы, как показывают данные лингвистики, традиционно связывали бога грома и молний Perkuno с дубом и горой/скалой⁵, что указывает на сакрализацию этими народами в древности дуба, растущего на возвышенности и связанного/посвященного богу грома и молний.

Данные прусской археологии, в последние десятилетия серьезно пополнившиеся, позволяют увидеть изображения деревьев, сакрализованных раннесредневековыми обитателями Янтарного края. Древнейшее, весьма стилизованное изображение дерева, — на фибулах типа Bitner-Wróblewska II, относящихся в древностях поздних эстиев и ранних пруссов к фазам C₂/D₁⁶, т.е. к началу эпохи Великого переселения народов. Семь лет тому назад автор этих строк выдвинул гипотезу о том, что корпус звёздчатых фибул представляет собой стилизованное изображение дерева, в кроне которого помещен солярный знак (рис. 1). Эта догадка была подкреплена данными балтской этнографии и фольклористики, которые сообщают о мифе, согласно которому в кроне

Рис. 1. Бронзовая, с серебряным покрытием фибулы из погр. Мi-273 могильника Mingfen/Miętkie (Кулаков В.И., 2011, рис. 26).

² Топоров В.Н. Дерево мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 398, 399.

³ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 613.

⁴ Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А-Д. М., 1975. С. 385.

⁵ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 615.

⁶ Кулаков В.И. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V–VII вв. Saarbrücken, 2011. С. 33.

дуба/березы/липы/яблони, с серебряными листьями и железными корнями, растущего у Млечного пути, солнце отдыхает после своих дневных странствий по небу. Когда же утром солнце покидало крону священного дерева, оно приобретало красный цвет⁷. К началу VI в. звездчатые фибулы у западных балтов выходят из употребления. Но это не значит, что прерывается традиция отображения священного дерева в искусстве западной окраины балтского мира.

Следующее по времени появления изображение священного дерева обнаруживается на «кольце из Штробьенен», найденном в окрестностях Strobjehnen/Куликово в 1798 г. На «кольце» представлена пропущенная сквозь призму религиозных представлений картина схватки (возможно — ритуальной) вождей двух противостоящих воинств: вождя прусских воинов Видевута и предводителя воинства Мазурского Поозерья Антонеса, упомянутых в «Прусской хронике» Симона Грунау, в которой могли сохраниться фрагменты народного предания об этом конфликте⁸. Всадники одинаково вооружены однолезвийными мечами со слабо загнутыми концами, защищены небольшими круглыми кавалерийскими щитами и используют стремена. Эта деталь конского снаряжения появилась у пруссов на рубеже VII–VIII вв. под влиянием авар⁹. Противники одеты в свободно нависающие над поясами полотняные рубахи с вертикальными складками. Как и у авара, изображенного на застежке из Mödling, рубахи у воинов «кольца» украшены точечным декором. Еще одна аварская аналогия — мягкие постолы с зигзагообразно расположенными обмотками до колена. Волосы всадников перехвачены тканевой или кожаной лентой (рис. 2). На правой половине «кольца» изображен, скорее всего, князь Видевут, поддерживаемый своим братом Брутенем, едущим верхом на волке и держащим в руке питьевой рог с жертвенным напитком. Над головой Видевута витает некий змееногий бог, осуществляющий, видимо, сакральную защиту вождя. Напротив изготовился к бою вождь Мазонов Антонес¹⁰. Над ним парит двуглавое божество, левой рукой низвергающее священный напиток из питьевого рога на главу воина. Под ногами коня Антонеса волнообразно изогнулся другой божественный персонаж с аварской прической и рыбьим хвостом (персонифицированный

⁷ *Żubiński T.* Mitologia bałtyjska. Sandomierz, 2009. S. 62.

⁸ *Кулаков В.И.* Население Балтийского региона в эпоху Меровингов // Эпоха Меровингов. Европа без границ. Берлин, 2007. С. 43.

⁹ *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М., 2003. С. 313.

¹⁰ Все персонажи кольца представлены в «Прусской хронике» Симона Грунау.

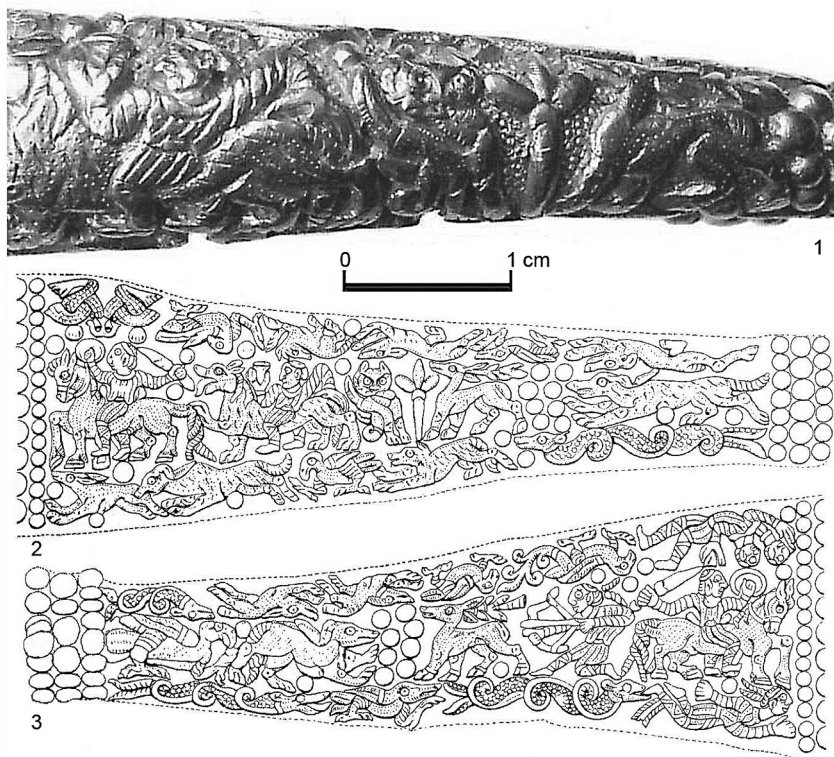

Рис. 2. «Кольцо из Strobjehnen/Куликово»: 1 — фото правой части барельефа на «кольце» (экспозиция выставки «Эпоха Меровингов. Европа без границ». ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2007 г.); 2 — прорисовка барельефа на правой стороне «кольца»; 3 — прорисовка барельефа на левой стороне «кольца» (Кулаков В.И., 1994, рис. 72,1,2)

символ реки, на берегах которой произошла битва)¹¹ на левой ноге, которую вознамерился укусить преследующий аvara гигантский змей. Он, возможно, дружелюбен пруссам, которые, как известно, почитали пресмыкающихся. За спиной Антонеса стреляет из лука аварский воин, о котором говорилось выше. Он нацелил свою смертоносную стрелу в оленя, стоящего у священного дерева. Таково символическое изображение победной для пруссов битвы, которая прекратила угнетение народа Янтарного берега мазонами и жителями Среднего Подунавья. Разумеется, приведенная выше трактовка

¹¹ Водный поток, разделяющий ареалы пруссов и «мазонов», — р. Alle/Лава. Видимо, на ее берегах и произошла победная для пруссов битва.

рельефных изображений, пространство между которыми на «кольце из Штробьенен» покрыто оттисками точечного чекана, является гипотезой. Ее подтверждают как археологические реалии (например, показанные на кольце однолезвийные мечи характерны для прусских воинских древностей VII — начала VIII в.), так и строки из «Прусской хроники». Присутствие на «кольце» упомянутых выше изображений, их семантика позволяют предполагать ритуальное значение этого артефакта, изготовленного плененным аварским златокузнецом для победителей-пруссос и принесенного ими, не исключено, в дар отеческим богам.

В рамках интересующей нас тематики обратимся к изображенному в правой стороне барельефа дереву. Оно схематично показано в виде ростка с тремя ветвями. Справа от него — олень с рогами, снабженными отростками, схематично напоминающими ветви дерева (рис. 2). Слева аварский (судя по специфическим деталям изображения) златокузнец изобразил некое крылатое существо с мордой кота, с львиными (?) лапами и с драконьим (?) хвостом. Более всего этот гибридный зверь напоминает иранского Симаргла, обладавшего благой и демонической натурами¹². Составляющие триединую композицию дерево с предстоящими животными (звери-хранители?) расположены за спиной жреца (?), едущего верхом на волке, что, очевидно, должно акцентировать сакральное значение дерева. Примечательно, что олень, представленный на левой стороне барельефа, стоит в позе, практически идентичной оленю у дерева. Не значит ли это, что фигуры соответствуют одному и тому же мифологическому персонажу? Судя по целящемуся в оленя аварскому лучнику, пришельцы из Подунавья не были дружественны к прусскому культу (как и к самим пруссам).

Следующее по времени изображение прусского священного дерева принадлежит к творениям неизвестных мастеров, представивших на барельефах Гнезненских врат жизнь и смерть св. Войцеха-Адальберта, первого крестителя Пруссии. 20–23 апреля 997 г. с миссионерскими целями этот проповедник посетил Самбию и, вызвав своими действиями гнев пруссов, был ими казнен. Как показывает соответствующий рельеф Гнезненских врат (рис. 3, слева), мученик был принесен в жертву, а его останки с отсеченной головой выставлены у подножья священного для пруссов дуба (рис. 3, справа)¹³. К сожалению, тво-

¹² Лелеков Л.А. Симург // Мифы народов мира. М., 1987. С. 437.

¹³ Кулаков В.И. Северная Самбия: апрель 997 года // КСИА. Вып. 210. М., 1993. С. 42.

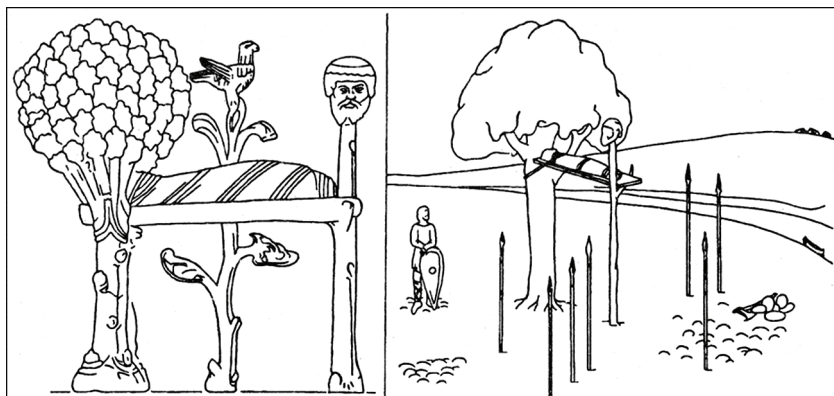

Рис. 3. Жертвоприношение Св. Войцеха-Адальберта:
 слева — прорисовка рельефа из Генеэненских врат;
 справа — графическая реконструкция
 (Кулаков В.И., 1993, рис. 3).

рившие в романской манере мастера врат не передали информацию о семантической составляющей прусского священного дерева.

Уже к Новому времени относится изображение (гравюра на меди) священного дуба в центральном святилище пруссов — Ромове, опубликованное в 1684 г. Кристофом Харткнохом (рис. 4). Располагавшееся в прусской земле Надравии, Ромове являлось центральным святилищем жителей юго-восточной Балтии (в том числе части литовцев), на котором горел неугасимый огонь¹⁴. Как отмечает Симон Грунау в своей «Прусской хронике» (1517–1529), в центре Ромове (ныне — городище Schlossberg/Бочаги Черняховского р-на) рос вечнозеленый (из-за ростков омелы, очевидно, оплетавших его ветви) дуб, у которого располагались изображения и священные символы трех прусских богов — Перкуно, Патримпо и Патолло¹⁵. Сакрализованные дубы являлись культовыми объектами и в других пунктах прусского племенного ареала, например — в святилище Swentomest близ Heiligenbeil/Мамоново¹⁶. Возможно, одним из таких деревьев является дуб в Ludwigsort/Ладушкин, посадку которого, судя по значительной толщине ствола, можно условно отнести к XI в.

Осенью 2018 г. мне удалось ознакомиться в музее «Колесо времени» (Rauschen/Светлогорск) при любезной помощи директора

¹⁴ *Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской.* М., 1997. С. 51.

¹⁵ *Грунау S. Preussische Chronik.* Bd. 1. Leipzig, 1876. S. 78.

¹⁶ *Кулаков В.И. Пруссы (V–XIII вв.).* М., 1994. С. 141.

Рис. 4. Ромове — центральное святилище пруссов
(по К. Харткноху, 1684 г.) (Кулаков В.И., 2003, с. 198, рис. 68).

музея Л. Быстровой с уникальной находкой, поступившей в фонды этого музея из Friedland/Правдинска. Это большемерный кирпич, происходящий из руин разобранного строения в упомянутом городе. К сожалению, более точный адрес находки остался неизвестным. Т.к. большемерные кирпичи появляются в Пруссии в эпоху существования Орденского государства, дату этой находки условно можно отнести к хронологическому отрезку XIV–XVII вв. На одной из сторон кирпича по сырой глине при помощи деревянной (на это указывают «рубленные» линии рисунка) формы была оттиснута довольно сложная композиция (рис. 5). В центре ее представлено дерево с семью безлистными ветвями (вытянуты под углом вверх). На вершине дерева помещен петух (?), справа от дерева — конь, обращенный к дереву, слева — олень (также головой к дереву). За крупом коня представлено небольшое дерево, под ногами оленя — три схематически

Рис. 5. Лицевая сторона кирпича, обнаруженного при разборке здания в Friedland/Правдинске (Фонды музея-выставки «Колесо истории», г. Светлогорск).

показанных «сердца», под ними — два мальтийских креста. Такие же кресты видны над оленем и петухом, они отделены от основной композиции полосой из оттисков «волчьего зуба». С трех сторон (кроме верхней части рисунка) композиция ограничена линиями оттисков «волчьего зуба». В верхней и нижней частях этой стороны кирпича существовали еще некие изображения, до нас не дошедшие (от них сохранились незначительные детали).

Семантическое значение данной композиции родственно композиции с деревом, представленной на «кольце из Штробьенен» и может трактоваться как своеобразная «языческая икона». Подобного рода явление отмечено в декоративном искусстве германцев эпохи Меровингов¹⁷. В нашем случае и на «кольце», и на кирпиче представлена композиция со священным деревом в центре. По краям дерева помещены священные звери и птицы, семантически являющиеся хранителями дерева. Значимость своего творения мастер, оставивший оттиск «языческой иконы» на кирпиче, который будет использован при строительстве в уже христианской Пруссии (что весьма примечательно) акцентировал изображением трех сердец и в качестве дополнительной защиты изобразил лопастные кресты вполне католического облика. Точно такие же кресты прусский златокузнец XIV в. поместил на одном из поясов, найденных на могильнике Alt-Wehlau/Прудовка¹⁸, рядом с вполне языческими по своему смыслу изображениями. Очевидно, в раннеорденское время пруссы пытались встроить христианскую символику в круг своих традиционных культовых образов.

Как показывает материальная культура северо-восточных соседей пруссов — куршей, им тоже был близок мотив священного дерева. Так, мы видим его на бронзовых наконечниках ножен мечей подтипа Kazakevičius VIb, имевших местное происхождение и распространенных в южной части куршского племенного ареала¹⁹. По вертикальной оси в центре наконечников изображен росток крестообразной формы, покоящийся на двухчастном стволе, по краям которого извиваются два драконообразных существа (рис. 6, слева). Этот сюжет был настолько популярен у куршей поствикинговского

¹⁷ Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград, 2012. С. 211.

¹⁸ Кулаков В.И. Прусские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 1. Рис. 2.

¹⁹ Kazakevičius V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makstų galų apkalai) // Lietuvos archeologija. T. XV. Vilnius, 1998. P. 311, 40 pav.

Рис. 6. Бронзовые наконечники ножен мечей подтипа Kazakevičius Vb: слева — Andullen/Anduliai, Klaipeda raj., Lietuva, справа — Kaup, г. Зеленоградск (Кулаков В.И., 2012, рис. 143).

времени, что претерпел многократную стилизацию (рис. 6, справа), вплоть до полной деградации рисунка. На первичном этапе изготовления наконечников подтипа Kazakevičius VIb куршские мастера четко выдерживали композицию рисунка, очевидно, следуя какому-то изобразительному канону. Этот канон отличался от описанного выше прусского канона тем, что священное дерево охраняли не олень и птицы, а драконообразные существа (змеи ?).

Данные археологии эпохи викингов прямо свидетельствуют о плотных связях пруссов и куршей, прежде всего — в материальной культуре²⁰. Если у пруссов изображения сакрализованного дерева известны уже в V в. н.э., то у куршей они появляются лишь в поствикингское время. Благодаря этому можно предположить, что упомянутая изобразительная традиция (или вообще весь культ священного дерева) пришла в ареал куршей от их юго-западных соседей. В старой деревянной застройке Зеленоградска (Cranz), расположенном у основания Куршской косы, по сей день сохранились декоративные детали фронтонов, стилизованно представляющие

²⁰ Жулкус В. Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В.В. Седова. М., 2004. С. 157, 158.

священное дерево с тремя ветвями/ростками (рис. 7) или же дерево с крестообразной кроной, охраняемое двумя драконами (рис. 8). С учетом того, что та часть Самбии, на которой расположен упомянутый курортный город, в эпоху викингов и после нее приняла группы куршей, что засвидетельствовано археологическим материалом²¹, можно с большой степенью осторожности предполагать реализацию в декоре домов местных жителей неких куршских изобразительных мотивов, восходящих к традиции священного дерева. Однако такой вывод должен получить подтверждение в работах историков архитектуры и этнографов.

Рис. 7, 8. Детали фронтонов домов конца XIX — начала XX в. в Czanz/Зеленоградске (фото автора)

²¹ Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. С. 64.

Примечательно, что культ почитания священного дерева, изобразительно зафиксированный у пруссов в самом начале формирования их культуры, доживает до XVII в. Как свидетельствует прусский краевед М. Преториус, еще в 1657 г. общинники Северной Пруссии жертвовали этим деревьям (вешали на их ветви) свои пояса²², являвшиеся индикаторами социальной принадлежности не только прусских аристократов²³, но и, видимо, простых земледельцев. В свою очередь, женщины пруссов жертвовали деревьям свои наплечные покрывала²⁴.

Итак, можно констатировать, что культ священного дерева (в том числе — дуба), восходящий у индоевропейских народов, очевидно, к эпохе позднего (?) неолита, у пруссов нашел изобразительное воплощение уже в середине I тысячелетия н.э. Возможно, к таким изображениям могут относиться и растительные мотивы на погребальной керамике эпохи бронзы и раннего железа, однако их множественность предполагает отсутствие здесь фигур отдельных сакрализованных деревьев. Затем на протяжении многих веков в декоративном искусстве пруссов в разном материале и в разной манере представлены изображения сакрализованных деревьев. Как показывают письменные источники Нового времени, культ дерева доживает у пруссов, несмотря на их христианизацию, практически до времени создания Королевства Пруссия.

References

Gaerte W. *Kriechkultur in Altpreußen // Alt-Preußen*. Jg. 1. H. 3. 1935, pp. 179–182.

Gaerte W. *Volksglaube und Brauchtum Ostpreussens. Beiträge zur vergleichenden Volksglaube, Marburger Ostforschungen*. Bd. 5. Würzburg: Holzner, 1956. 123 S.

Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach.Vs. *Indoyevropeyskiy yazyk i indoyevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prazyka i protokul'tury* [Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction and Historical-typological Analysis of Parent Language and Protoculture]. Vol. II. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1984. 1328 p.

Kazakevičius V. *Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makštų galų apkalai)* [On the Late Iron Age Weapons of the Balts (Sword Chapes)] // *Lietuvos archeologija*. Vol. XV. Vilnius: Žara, 1998, pp. 287–332.

²² Gaerte W. *Kriechkultur in Altpreußen // Alt-Preußen*. Jg. 1. H. 3. 1935. S. 180, 181.

²³ Кулаков В.И. Прусские пояса орденского времени // *Genesis: Исторические исследования*. 2017. № 1. С. 152.

²⁴ Gaerte W. *Volksglaube und Brauchtum Ostpreussens. Beiträge zur vergleichenden Volksglaube, Marburger Ostforschungen*. Bd. 5. Würzburg, 1956. S. 51.

Kulakov V.I. *Dekorativnoye iskusstvo Yantarnogo kraya. Ornament fibul V–VII vv.* [Decorative Art of the Amber Region. The Ornament of the 5th–7th-cent. Brooches]. Saarbrücken: LAP Publishing, 2011. 150 p.

Kulakov V.I. *Istoriya Prussii do 1283 g.* [A History of Prussia until 1283]. Moscow: Indrik, 2003. 364 p.

Kulakov V.I. *Naseleniye Baltiyskogo regiona v epokhu Merovingov* [The Population of the Baltic Region in the Era of the Merovingians] // *Epokha Merovingov. Yevropa bez granits* [The Age of the Merovingians. Europe without Borders]. Berlin: Minerva, 2007, pp. 138–144.

Kulakov V.I. *Nemanskiy yantarnyy put' v epokhu vikingov* [Neman Amber Road in the Viking Age]. Kaliningrad: PEN-klub, 2012. 222 p.

Kulakov V.I. *Prusskiye poyasa ordenskogo vremeni* [Prussian Belts of the Period of the Order] // *Genesis: Istoricheskiye issledovaniya*. 2017. № 1, pp. 147–158.

Kulakov V.I. *Prussy (V–XIII vv.)* [The Prussians in the 5th–13th Cent.]. Moscow: Geoeko, 1994. 211 p.

Kulakov V.I. *Severnaya Sambiya: aprel' 997 goda* [Northern Sambia: April 997] // *KSlA*. Is. 210. Moscow: Nauka, 1993, pp. 37–44.

Lelekov L.A. *Simurg // Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987, pp. 436–437.

Rumyantseva T.G. *Derevo* [Tree] // *Istoriya filosofii. Entsiklopediya* [A History of Philosophy. Encyclopaedia]. Minsk: Interpresservis, 2002, pp. 301–304.

Toporov V.N. *Drevo mirovoye* [World Tree] // *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980, pp. 398–406.

Toporov V.N. *Prusskiy yazyk. Slovar'. A–D* [Prussian Language. Dictionary. A–D]. Moscow: Nauka, 1975. 399 p.

Zhulkus V. *Izmeneniya v mirovozzrenii kurshey v rannem srednevekov'ye* [Changes in the Worldview of the Curonians in the Early Middle Ages] // *Vostochnaya Yevropa v Srednevekov'ye. K 80-letiyu V.V. Sedova* [Eastern Europe in the Middle Ages. In Honour of the 80th anniversary of V.V. Sedov]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 153–163.

Žubiński T. *Mitologia bałtyjska* [The Baltic Mythology]. Sandomierz: Ar-morika, 2009. 151 p.

Поступила в редакцию
18 ноября 2018 г.